

Спецхран

Книга Павла Зальцмана «Мадам Ф.» только что вышла в свет в издательстве «Лира». В нее включены повести, рассказы, стихи известного художника, ученики Павла Филонова, при жизни никогда не публиковавшие ни строчки. История знает похожие случаи «двойного дарования» (можно вспомнить прозу и воспоминания Константина Коровина, Александра Бенуа, Михаила Нестерова, Кузьмы Петрова-Водкина). «ЭС» знакомит читателя с пьесой «Ordinamenti» (название можно перевести как «установление справедливости» от *Ordinamenti di Giustizia* – итальянского устава XIII века) – гротескной и пронзительной. Комедия писалась с 1964 по 1977 год, последние правки Зальцмана сделаны в декабре 1985-го. Название одного из рассказов художника «Спецхран» кажется символичным. Извлеченное из-под студа литературное наследие Зальцмана открывает нам замечательного мастера с особым взглядом на мир, художника, сумевшего прожить жизнь вопреки господствующей идеологии. Мы предваряем публикацию «набросками к биографии» Зальцмана, написанными его зятем и другом, физиком по профессии Алексеем Зусмановичем (они печатаются с сокращениями).

Павел Яковлевич Зальцман родился 2 января 1912 года в Кишиневе, где в то время квартировал полк его отца, офицера русской армии. Яков Яковлевич Зальцман был интеллигентным человеком с либеральными взглядами, неплохим художником-любителем и поэтом-версификатором. Вскоре полк был переведен в Одессу, где и прошли детские годы Павла. Во время революции Яков Зальцман не примкнул ни к какой из враждующих сторон. Спасаясь от перипетий Гражданской войны, семья некоторое время жила в Молдавии, в Бердянске, затем снова в Одессе.

В Молдавии единственным источником книг была библиотека местного ксендза. Тогда Павел научился читать по-польски, полюбил Жулавского и Сенкевича, а значительно позже – Лема, Мрожека, Ружевича, Галчинского и других.

Летом 1925 года Зальцманы переехали в Ленинград. Способности Павла проявились довольно рано, с десяти лет он рисует, пишет стихи, в основном навеянные немецкими романтиками, любовь к которым осталась у него на всю жизнь. После школы он как сын служащего (отец работал в Ленинграде счетоводом, потом вышел на пенсию) не мог поступить в высшее учебное заведение, к тому же надо было зарабатывать, вносить вклад в скудный семейный бюджет. Павел работает как иллюстратор в ленинградских журналах «Резец», «Перелом», «Стройка», «Юный пролетарий», оформляет пьесу Бонди «Изобретатели» в ТЮЗе и начинает деятельность кинохудожника под руководством А. Арапова (соученика Н. Сапунова). Затем как художник-постановщик он работает на киностудии «Ленфильм» с такими известными режиссерами, как братья Васильевы, И. Трауберг, А. Иванов.

В 1929 году произошло поворотное событие в жизни Павла Зальцмана – знакомство с одним из крупнейших художников XX века Павлом Николаевичем Филоновым и, через ученицу Филонова Алису Порет, с Даниилом Хармсом и другими обэриутами. До смерти Филонова в блокадном Ленинграде Павел Зальцман оставался его верным последователем и членом неформальной группы «Мастера аналитического искусства» («Школа Филонова»).

Пожалуй, можно сказать, что Павел Зальцман реализовался в графике и кино, был щедро одарен и как живописец, поэт, прозаик и философ. Недаром в «Ordinamenti», которую он продолжал писать в больнице перед смертью, Зальцман «расщепил» себя на пять этих равноценных образов. А кино – кино давало ему относительную свободу и возможность в свободное время заниматься настоящим творчеством – в стол, в папки. Однако следует сказать, что киноэкспедиции тридцатых годов в Среднюю Азию, Забайкалье, Карелию, Заполярье, на Урал дали ему огромный материал, который также вошел в его творчество. Но основным, что сформировало творческую личность Павла Зальцмана, был Ленинград тридцатых годов, с кошмаром репрессий, но и с его интеллектуальной средой, с Филоновым и Эрмитажем.

В блокадном Ленинграде Зальцман был вызван в Смольный и мобилизован для организации маскировочных работ на заводах имени Карла Маркса, «Ленгаз» на Обводном канале и других объектах. Голод, холод, смерть родителей. Летом 1942 года Павел с женой Розой и маленькой дочкой был эвакуирован вместе с сотрудниками Ленфильма в Алма-Ату, где он, попав в сталинские времена на спецучет в органах, и застрял до конца жизни.

В эти голодные годы в Алма-Ату приехала московская комиссия для оказания помощи эвакуированным художникам. Роза Зальцман вспоминает: «Павел приготовил вещи. Утром они явились, трое или четверо. Павел ставил на стул (мольберта не было) картину за картиной. Судьи смотрели, и лица их искажались. Павел продолжал показывать, и лица мрачнели и каменели все больше. Затем, не сказав ни слова, они ушли. Было ясно, что это полный провал. Никакой помощи не будет». Когда на следующий день Роза побежала к председателю и попыталась все-таки просить о помощи, ответом было: «У нас не богадельня».

В период борьбы с космополитизмом он был уволен со студии, и несколько лет перебивался случайными заработками. В это время он начал преподавать в университете и художественном училище историю изобразительных искусств и проявил себя как блестящий лектор. Не одно поколение художников, филологов и историков с восторгом вспоминает лекции Павла Зальцмана, на них выросли многие алма-атинские филологи и искусствоведы, в том числе и его собственная дочь.

В шестидесятые годы к Зальцману пришло официальное признание – за работу в кино он был удостоен звания заслуженного деятеля искусств Казахстана и стал главным

художником киностудии «Казахфильм». В присвоении звания главную роль сыграла Л. Галимжанова, бывшая актриса, ставшая к тому времени министром культуры Казахстана. Талантливый актер и режиссер Шакен Айманов высоко ценил его работу кинохудожника и в 1967 году помог – о чудо! – получить первую в жизни (не считая дореволюционных лет) отдельную двухкомнатную квартиру, да еще и в центре города. Все это способствовало возможности больше работать «на себя».

Постепенно приходило и признание Зальцмана как художника. Его работы стали экспонироваться на всесоюзных выставках акварели, о них появились статьи таких крупных искусствоведов, как М.Лазарев, А.Каменский, Д.Сарабянов. Сегодня работы Павла Зальцмана находятся в собраниях Русского музея, Третьяковской галереи, гравюрного кабинета Музея изобразительных искусств имени Пушкина (заведующий которого Е.Левитин одним из первых оценил графику Зальцмана и стал настаивать на ее приобретении), Музея искусств народов Востока, галереи Гмунжинской (Кельн), Государственного музея искусств Казахстана, в частных собраниях России, Германии, США, Израиля.

Тогда же Зальцману была предложена работа на Ленфильме. Он отказался, что, на первый взгляд, казалось странным. Однако для этого был ряд серьезных причин: необходимость начинать сначала карьеру кинохудожника, понимание того, что жителям замордованного тройной цензурой Ленинграда его искусство не только чуждо, но и может вызвать серьезные неприятности, нежелание расставаться с дочерью. А в Алма-Ате все было как-то налажено.

Очень точно пишет Ю.Туманян в неопубликованной статье «Зальцман и Филонов»:

«Десятилетиями художник поддерживал в себе духовность неповторимой петроградской молодости, опирался на легенду Филонова, для него живую и действенную, жил в кругу измышленных богатой фантазией героев своих картин, литературных и поэтических писаний. При этом не стал человеком мрачным, не превратился в хулителя основ русской культуры, принял ограничения, наложенные судьбой, со спокойствием и житейской мудростью философа».

День Павла Зальцмана был размерен. Если он не был занят на очередном фильме или на каком-нибудь художестве, то днем – акварель, вечером, при электрическом освещении, – графика, ночью – литература. В качестве отдыха – чтение книг. Никогда не читал газет, не слушал радио и не смотрел телевизора. Информацию о внешнем мире в основном получал от родственников или друзей. В нем совершенно не было какой-либо беготни: практически не пил (иногда, за обедом у дочери, рюмочку домашней настойки), не любил шумных компаний, ресторанов и тому подобного. Всегда элегантен, даже в жаркое южное лето никогда не выходил из дома без галстука и пиджака. Занимался йогой, до конца был в хорошей физической форме. При этом категорически не любил посещать врачей и заботиться о своем здоровье.

Отсутствие нужных деталей туалета его сильно раздражало. Так, когда подтяжки можно было достать разве только в распределителях ЦК или Совмина и он просто страдал от полной негодности своих старых, он выменял у знакомого физика Левы Миркина (к великому смущению последнего) новенькие подтяжки на графический лист. Правда, потом опомнился и заменил лист на более новый и не такой для него ценный. Поскольку Зальцман писал в это время «Ordinamenti», то злополучные подтяжки и заняли в ней свое место.

Ироническое, но в то же время философское осмысление перипетий собственной судьбы и творчества составляет тему многих произведений Зальцмана.

Характерно, что многие литературные произведения Павла Зальцмана рождались во сне; иногда практически целиком, иногда сон давал сюжет будущего произведения. В записных книжках 1931-1939 годов довольно часто встречаются торопливые записи об увиденном во сне. Он глубоко интересовался проблемами соотношения сознательного и бессознательного, рационального и иррационального.

До последних лет жизни Павел Зальцман не помышлял об издании своих литературных работ. Потрепанные ученические тетради хранились глубоко в шкафу, изредка извлекались для чтения в узком кругу друзей или для очередной правки текста.

Что-то было в этом предпрестороечном воздухе (а может быть, предчувствие близкого конца?) и он интенсивно правил и диктовал. Эта работа была прервана смертью Павла Зальцмана после инфаркта в декабре 1985 года, и расшифровка и подготовка к печати представленных в сборнике работ была завершена семьей в Израиле.

Алексей ЗУСМАНОВИЧ

• Автопортрет

• Подруги

• Крыши и лестницы